

je ne me portais pas assez bien. J'avais une lettre préparée avant pour Gabriel, que je lui ai expédiée de suite². J'avais reçu son Michelet que j'ai lu avec une grande sympathie et par rapport auquel je lui écrirai encore ces jours-ci³.

Eh bien! Edouard prospère⁴. Donne-moi plus souvent de ses nouvelles. Nous avons ici un printemps délicieux. Il y a longtemps que je n'ai vu un mois d'avril pareil. Les arbres verdissent, le parc est resplendissant.

Quant à la lettre de Natalie⁵, je pense que ce n'est pas moi, mais elle qui perd la mémoire. Aussi, après avoir beaucoup réfléchi, je me suis décidé à ne pas lui répondre pour ne pas la blesser.

J'ai reçu le journal Joukovsky⁶, mais je ne puis encore rien dire.

Je suis occupé pour le moment à travailler à des rimes, je ne sais comment elles réussiront. Mary, quoique assez malade travaille toute la journée et même au petit jardin de la maison. L'existence est tranquille et solitaire, ce qui me fait du bien.

Adieu pour aujourd'hui, chère Olga! Je t'embrasse bien, Mary te serre la main. Ecris-moi où tu es et que fait Gabriel.

Ton dévoué.

Перевод:

Дражайшая моя Ольга, прошло два дня с получения твоего милого письма от 12 апр(еля) (в нем находилось письмо Н(атали))¹, я хотел тебе написать, но вчера было воскресенье, а позавчера я себя чувствовал неважно. У меня было заранее заготовленное письмо к Габриелю, и я его тотчас же ему отправил². Мной получен его Мишле, которого я прочитал с большой симпатией и о котором ему еще напишу в ближайшие дни³.

Итак! Эдуард процветает⁴. Сообщай мне о нем почаще. У нас здесь восхитительная весна. Давно уже не видел я подобного апреля. Деревья зеленеют, парк сверкает.

Что касается письма Натали, то полагаю, что не мне изменяет память⁵. И вот, изрядно пораздумав, я принял решение ей не отвечать, чтобы не оскорбить ее.

Я получил газету Жуковского⁶, но сказать о ней ничего еще не могу.

Я занят сейчас стихоплетством, но не знаю, удачно ли у меня получится. Мери, хотя она не совсем здорова, трудится весь день напролет и даже в садике у дома. Существование мое спокойно и уединенно, и это действует на меня благотворно.

Прощай на сегодня, милая Ольга! Целую тебя крепко, Мери жмет тебе руку. Напиши мне, где ты и что подделывает Габриель.

Преданный тебе.

¹ Эти письма Таты и Ольги в печати не появлялись.

² Это письмо неизвестно.

³ Книга Г. Моно о его учителе, знаменитом историке Ж. Мишле, вышла в Париже в 1875 г. Написал ли Огарев о ней Моно — не установлено.

⁴ Эдуард — первенец Моно и Ольги Александровны (родился в 1873 г.). Глубоко уважая личность и деятельность Герцена, он, как известно, присоединил к своей фамилии фамилию деда.

⁵ Письмо Н.А. Тучковой-Огаревой от 12 апреля (опубликовано Н.А. Роскиной в "Лит. наследстве", т. 63, с. 514). "Огарев, так как тебе память часто изменяет, — писала она, — хочу тебе напомнить, что если я и Лиза тебе не пишем, так это потому, что эта дикая женщина (Мери Сетерленд) нас выгнала из твоего дома без малейшего протеста с твоей стороны (...) Прощай навсегда, не пеняй на нас".

⁶ Имеется в виду народническая газета "Работник", издававшаяся в Женеве бакунистами Н.И. Жуковским, Э.К. Ралли и др. с января 1875 по март 1876 г. По поводу нее Тучкова-Огарева сообщила Огареву в цитированном выше письме: «В Женеве Жуковский с другими издает газету "Работник", совсем твой взгляд — я послала Жуковскому твой адрес и надеюсь, что он тебе вышлет газету».

П.В. ДОЛГОРУКОВУ

Публикация С.Д. Гурвич

В т. 63 "Литературного наследства" опубликована записка к Герцену от 13 августа 1866 г., подписанная группой жевевских эмигрантов — М.С. Гулевичем, В. Мерчинским, Н.Я. Николадзе и еще одним лицом, фамилию которого не удалось разобрать (с. 858). Обращение к автографу (РГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед.хр. 581) позволяет предположить, что эта подпись, стоящая первой, принадлежит Н.И. Утину; им же, судя по почерку, написан весь текст. "Записка"

вызвана письмом-доносом князя П.В. Долгорукова президенту женевского кантонального правительства Ф. Камперо, в котором он сообщил, что бежавший от преследований царского правительства М.К. Эллидин “противозаконно содержит типографию и печатает брошюры”. Возмущенные доносом “молодые эмигранты” потребовали обличения Долгорукова в “Колоколе”.

До сих пор из документов, раскрывающих отношение редакции “Колокола” к этому возмутительному поступку Долгорукова, было опубликовано лишь заключительное письмо Герцена от 21 августа, из которого видно, что ему предшествовало еще одно письмо, остающееся неизвестным; ответ Долгорукова (также не сохранившийся) сильно огорчил Герцена, вызвав развернутую отповедь нападкам князя на “нигилистов”. “Я телом и душой не только принадлежу к нигилистам, но принадлежу к тем, которые вызвали их на свет”, – заявил Герцен. Порывая отношения с Долгоруковым, он, в частности, писал: “Я верил, что наш голос заслуживал иного внимания, в чистоте наших намерений вы не сомневаетесь” (XXVIII, 215). Слова “наш голос”, “наши намерения” относились, однако, не только к предыдущему письму Герцена.

В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки хранится черновой автограф письма Огарева к Долгорукову. Это его непосредственная реакция на сообщение “молодых эмигрантов” о поступке Долгорукова. Получив “записку” в отсутствие Герцена, находившегося тогда в Лозанне, Огарев счел нужным сразу же выразить Долгорукову от имени редакции “Колокола” решительное возмущение и призвать его к публичному покаянию.

Письмо публикуется впервые по автографу РГБ, ф. 69.8.238, л. 1.

(Женева. 14 или 15 августа 1866 г.)¹

Люб(езный) П(етр) В(ладимирович)!

Мы вынуждены писать к вам, как оно ни прискорбно на этот раз. Конечно, вы не станете искать в нашем письме никакого вражд(ебного) поступка, вы его не должны и предполагать; но тут дело чистой необх(одимости). Ваш поступок с Элпид(иным) никто не может оправдать – вы первые, и мы настолько верим в вашу великодушную искренность. Но поступок этот разнесся по городу – и мы получили письмо с 5-ю русск(ими) подписями с треб(ованием) обнаружить ваш поступок в “Колоколе”.

Что нам делать? В праве этого требования мы отказать не можем. Но мы вас убедительно просим – напишите нам письмо о том, что вы написали Камперо сгоряча и совершенно в этом поступке раскаиваетесь. Это снимет с нас одну из самых тяжелых обязанностей, какие только встречались нам в жизни.

Примите эти строки в истинном значении, за действительный голос дружбы².

¹ В ОРО письмо условно датировано 1865 г. (см. с. 158, № 308). Дата уточнена в ЛЖГ IV, 289–290.

² Ответ Долгорукова (неизвестный), очевидно, не удовлетворил вернувшегося из Лозанны Герцена, и он около 17 августа написал ему первое (процитированное выше) “пространное письмо”, в котором осуждал его “образ действий”. Конфликт с Долгоруковым продолжался до октября, когда его имя вновь появилось в “Колоколе”, в статье Герцена “Биография Муравьева-Вешателя” (см. XIX, 142–143). Об инциденте с Эллидиным см. в письме Долгорукова к его сыну, В.П. Долгорукову, от 16 ноября 1866 г.; Б.П. К о з ь м и н. П.В. Долгоруков и М.К. Эллидин. – “Красный архив”, 1929, т. III (34), с. 231–232.

Т.П. ПАССЕК

Публикация С.В. Капиноса

21/9 июля 1843 г. Огарев сообщал Герцену: “Теперь наступила для меня минута писать автобиографию, что ты мне давно велел писать, но тогда я не имел ни малейшей потребности. Теперь я вижу в этом необходимость”. И заключил следующим лаконичным, но емким определением: “Автобиография есть исповедь, расчет с собою за прошедшее” (РМ, 1890, № 4, с. 2).

В дальнейшем Огарев не раз принимался за воплощение этого замысла. В сущности, его “Кавказские воды” и “Моя исповедь” представляют собой отдельные эпизоды давно задуманного им труда.

В конце жизни Огарев снова принялся за автобиографическое сочинение – на этот раз